

УДК 410:809

О понятии «текст»

А.А. Бернацкая*

*Сибирский федеральный университет
Россия 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79¹*

Received 14.12.2009, received in revised form 21.12.2009, accepted 28.12.2009

Статья посвящена дискуссионным аспектам теории текста, прежде всего языковому статусу текста. Затрагиваются проблемы его дефиниции и типологизации.

Ключевые слова: текст; знаковость и системность текста; микро- и макротекст; вербальные и поликодовые (креолизованные) тексты; гипертекст; интенциональность, интертекстуальность и акцептабельность текста.

Текст (лат. *textum* – ткань; плетеная работа; связь, соединение от *texo*, – *ere* – 1. ткань, плести, сплестать; 2. слагать, делать, строить; 3. письменно составлять, сочинять; *contextum* – «сотканный, сплетенный, связанный»). В неспецифически лингвистическом употреблении термин означает: 1) авторское сочинение или документ, воспроизведенные на письме или в печати; 2) основную часть печатного набора – без рисунков, чертежей, подстрочных примечаний и т.п.; 3) слова к музыкальному сочинению (опере, романсу и т.п.); 4) типографский шрифт. За исключением последнего, специфически типографского, для всех остальных словоупотреблений характерно понимание текста как письменно зафиксированного языкового образования, представленного в основном больше чем одним предложением.

В конце 60-х гг. XX в. появилась и стала крылатой фраза, звучащая и ныне как заклинание: «Мы говорим не словами и предложениями, а текстами». До этих пор, призна-

вая текст исходной реальностью филологии, большинство лингвистов видело в нем источник знания о единицах и строе языка. «И лишь совсем недавно, когда вдруг умами овладела прописная истина, что язык существует все же не ради самого себя, а как средство выражения мыслей и чувств, возник интерес к тексту как таковому» (Костомаров, 2005: 35). Можно говорить о широком и узком понимании термина в специальной литературе. Предельно широкое – в семиотике, как осмысленная последовательность любых знаков, любая форма коммуникации: ритуал, обряд, картина, музыкальное произведение, «совокупность знаков, составляющих некоторый участок пространства», «само пространство», пейзаж, человек и его «эго», сознание; весь воспринимаемый нами эволюционирующий мир – множество текстов; «текст жизни». Вербальный текст имеет общее с материальным текстом свойство пространственности. Первый преобразуется во второй через средство ментального пространства (Борисо-

* Corresponding author E-mail address: okopnin@mail.ru

¹ © Siberian Federal University. All rights reserved

ва, 2004). Также в постструктурализме буквально всё стало рассматриваться как текст: литература, культура, общество, история, человек, весь мир, всё бытие. Такое широкое понимание текста непродуктивно, утрачивает признаки конкретного объекта исследования, становится метафорой, перемещаясь из области науки в область литературной эссеистики (Горшков, 2006: 55–56). Более логично было бы говорить об общем свойстве системности всех этих феноменов как об их сущностном свойстве.

Текст в узком терминологическом значении – вербальный, отвечающий признакам текстуальности, имеющий специфические текстовые категории. Однако в сферу лингвистики попали и «смешанные», или «поликодовые», «креолизованные» со специфическими соотношениями вербального и невербальных компонентов. Существует разграничение широкого и узкого понимания текста и на другом основании: текст в широком смысле – то же, что речь, а в узком – это единица речи.

«Текст – один из сложнейших объектов изучения, многоаспектный, практически и теоретически неисчерпаемый... В нем скрепляется действие всех факторов, формирующих речь, речевое общение... Все единицы, категории языка обретают подлинную жизнь именно в текстах, существуют для оформления текстов» (Солганик, 2005: 7). В тексте «встречаются» язык и речь, интра- и экстралингвистические факторы, язык и человек, язык и внеязыковая реальность, биологическое, социальное, психическое, материальное и духовное. Двунправленность текста: одной стороной он обращен к внеязыковой действительности, и его содержательная структура в значительной степени предопределяется связями между отображаемыми событиями. Другой стороной он связан с речемыслительной деятельностью говорящего. Первым фор-

мируется семантическая, вторым – смысловая структура текста. Текст – «феноменологически заданный первичный способ существования языка» (Прохоров, 2004: 12). Способность понимания и правильного построения разных типов текста с учетом сферы употребления, специфики конкретной ситуации – проявление коммуникативной компетенции носителей языка, приобретаемой частично в процессе социализации, частично в образовательном процессе.

Изучение текста, ставшего со второй половины XX в. доминирующим объектом лингвистических штудий, потребовало аккумуляции и синтеза достижений не только филологических, но и многих других гуманитарных наук, междисциплинарного подхода. Сформировались новые дисциплины: общая теория текста (на пересечении информатики, герменевтики, лингвистики, прагматики, семиотики, психологии, социологии, риторики, книговедения), лингвистика текста и ее субдисциплины: грамматика (собственно говоря, синтаксис), семантика и стилистика текста, большое внимание уделяющие прагматическому аспекту. Таким образом, охвачены все три стороны (аспекта) знакового отношения, чем дополнительно подтверждается знаковая природа текста. Также – явно или неявно – признается системность текста и в его статическом, и в деятельностном аспектах.

В понимании «сфер влияния», разграничении предметов исследования и характера взаимоотношений текстовых дисциплин единство отсутствует. Так, А.И. Горшков, В.Г. Костомаров возражают против включения стилистики текста в лингвистику текста на основании разных подходов к исследованию текста. Лингвистика текста, согласно им, должна заниматься преимущественно исследованием связей между предложениями

и группами предложений, а употреблением языка должна заниматься стилистика (которая, полагают авторы, всегда есть стилистика текста). Стилистика провозглашается «своего рода вершиной исследования языка». Расширение объекта лингвистики текста может привести к «растворению» лингвистики текста в стилистике текста (Костомаров, 2005: 47–48; Горшков, 2006: 16–56). В сущности, это неоправданный возврат к концепции школы эстетического идеализма (школы К. Фосслера). А.А. Ворожбитова, в свою очередь, утверждает, что только лингвистика под эгидой риторики («лингвориторическая парадигма») способна раскрыть все аспекты содержательной и смысловой структуры текста (Ворожбитова, 2005: глава 3).

Довольно часто предмет лингвистики текста сужается за счет понятий дискурса и дискурс-анализа как отдельной дисциплины. В этом случае (отвлекаясь от многозначности термина) принимается положение, согласно которому дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами...» (ЛЭС, 1990: 136). Но в таком понимании дискурс-анализ представляет собой лишь составную часть всеобъемлющей теории или лингвистики текста. Современная лингвистика текста охватывает проблемы и языка, и речи, т.е. употребления языка, и статические, и динамические модели текста. Исчерпывающий анализ текста предполагает учет всех факторов. На рубеже XX–XXI вв. интересные перспективы исследования текста как самоорганизующейся системы задает новая дисциплина – лингвосинергетика. С позиций этой науки текст рассматривается как «временное состояние относительной устойчивости системы» (Москальчук, 2003; Ворожбитова, 2005: 321–329; Пономаренко, 2007: 16).

Основные дискуссионные аспекты в исследовании текста – это проблема его отношения к языку и речи, дефиниция и типология текста, проблемы представления плана содержания. Можно, видимо, говорить о тенденции признания текста не только речевой (коммуникативной), но и языковой единицей и, соответственно, текстового уровня системы языка. В большей мере это касается микро-текста, соответствующего СФЕ (ССЦ, «прозаической строфе», или «текстеме», «субтексту», «текстоиду»). Микротекст признается высшей единицей верхнего, синтаксического яруса (уровня) языковой системы и изучается преимущественно в рамках синтаксиса текста. Макротекст (целое речевое произведение / целый / целостный текст) «в отличие от сверхфразового единства по самой своей природе не поддается определению в понятиях грамматики... Это явление, прежде всего, социально-речевое, коммуникативная единица самого высокого уровня...» (Москальская, 1981: 14). Микро- и макротекст могут совпадать в своих границах (паремические и некоторые фольклорные жанры, тексты-рекламы, короткие газетные заметки, объявления, тексты плакатов, табличек запрещающего или рекомендательного характера и т.п.). Макротексты исследуются традиционно в литературоведении, риторике, стилистике текста.

Встречается и категорически отрицательное мнение по поводу принадлежности какой бы то ни было единицы текста к языку. М.А. Кронгауз: «...текст естественнее рассматривать именно в рамках речи», «странно говорить о существовании текста в языковой системе», «о тексте едва ли можно говорить, что он существует в языке подобно слову или строится по определенным правилам как предложение» (Кронгауз, 2005: 216). Однако эта категоричность входит в противоречие с обоснованием автором способности состав-

лять и решать текстовые семантические задачи: «Решение текстовых задач опирается на одну из главных **языковых способностей** (выделено мною. – А.Б.) – понимание текста, а также на умение производить с текстами различные интеллектуальные операции» (Там же: 311). Так же категоричен Г.Я. Солганик: «Было бы неверно рассматривать текст как единицу языка». Однако тут же следует противоречащее утверждение: «Тексты создаются по законам языка. Но в языке содержатся не тексты, а программы формирования текстов» (Солганик, 2005: 8). Именно факт существования таких «программ» – схем, моделей построения – в языковом сознании положил конец сомнениям в отнесенности предложения не только к речи, но и к языку. Аналогично В.Г. Костомаров, не признавая языкового статуса текста, свидетельствует: «Стилистика текстов предстает как регулирующий свод конвенциональных, кодифицируемых и неписанных правил и схем функционирования языка, существующих в нашем сознании как следование образцам...» (Костомаров, 2005: 42). Но разве наличие неких схем, моделей, образцов, конструктов в сознании – не проявление языка как инварианта, социального предельного условия его речевой реализации, употребления? Ю.А. Левицкий отрицает, что правила построения текста заложены в системе языка, и указывает на невозможность чисто формального, прежде всего дистрибутивного определения текста – в отличие от единиц низших ярусов системы. И вместе с тем в качестве основного аргумента автор констатирует, что «язык предназначен для порождения текста, а не отдельных высказываний» (Левицкий, 2006: 89). Но если язык предназначен для коммуникации, то вся его система должна быть сориентирована на реализацию прежде всего этой функции. Язык должен представлять собой механизм, приводимый

в действие в процессе его использования для осуществления коммуникативных целей. И в первую очередь это касается единицы, реализующей эту функцию (Ф. Данеш, К. Глаузенбас, Д. Нериус, Й. Шарнхорст, О.И. Москальская, О.Л. Каменская).

В пользу языкового статуса текста свидетельствуют следующие факторы: обязательное наличие внутритекстовых связей; наличие в тексте структур, которые нельзя с достаточной полнотой описать в рамках языковых единиц нижележащих уровней. Весомым внешним аргументом в пользу языкового статуса текста может служить обнаружение в коре головного мозга речевых зон, ответственных за поэтапное построение текста (Иванов, 2004: 86). Дополнительным фактором может служить соотнесенность уровней языка, включая текстовый, с уровнями знания: совокупное знание о мире – вся совокупность текстов; отрасль знания – область текстов (например, политический дискурс. – А.Б.); фрагмент знания – текст; суждение – предложение; понятие – лексический уровень; незавершенное понятие – морфологический уровень; различение понятий – фонологический уровень (Каменская, 1990: 47–61).

Сложная природа текста обуславливает проблематичность его однозначного, достаточного определения. Существует 300 разнотипных дефиниций текста (Ворожбитова, 2005: 214). Ряд оснований для определения текста охарактеризован Т. Левандовским: интра- и экстратекстовые, коммуникативно-прагматические, интуитивно-обиходные, фундаментально-теоретические, системно-функциональные, психолого-процедурные (Lewandowski, 1995: 1154–1155). Фактически чаще даются не собственно дефиниции, а «операциональные» определения (Кронгауз, 2005: 216) – через выделение текстообразующих критериев, или признаков, или текстовых

категорий. Последние могут быть конститутивными, позволяющими отличить текст от нетекста; жанрово-стилистическими, ориентированными на определенные функциональные разновидности текстов; содержательными или семантико-прагматическими (информативность, модальность, адресатность, образ автора и т.д.); формально-структурными (членность, композиция и др.).

Наиболее цитируема в отечественной лингвистике дефиниция целостного текста, предложенная И.Р. Гальпериным (Гальперин, 1981: 18). Отталкиваясь от нее, но с критическими поправками, А.И. Горшков дает свою, объединяющую операциональный и интерпретационный тип определения текста: текст – «это (1) выраженное в письменной или устной форме (2) упорядоченное и (3) завершенное словесное целое, (4) заключающее в себе определенное содержание, (5) соотносимое с одним из жанров художественной или нехудожественной словесности, (6) отграниченное от других подобных целых и (7) в случае необходимости воспроизводимое в том же виде» (Горшков, 2006: 65).

Из признаков, часто отмечаемых, но не включенных в приведенную дефиницию, наиболее существенными представляются три: интенциональность, приемлемость (акцептабельность) и интертекстуальность. Интенциональностью называется «сознательное намерение достичь определенных целей с помощью данного текста, т.е. единая целевая установка» (Кронгауз, 2005: 214). Прагматический критерий приемлемости (акцептабельности) «означает согласие адресата или определенной аудитории рассматривать данную последовательность предложений в качестве текста». При определенных условиях даже несвязный набор предложений может оцениваться как текст – например, рассказы Д. Хармса, диалоги Э. Ионеско и дру-

гих представителей театра абсурда, различные речевые ритуалы (Там же: 223).

Интертекстуальность понимается, со ссылкой на М. Фуко, «как элемент эпистемы, т.е. знания, свойственного данной эпохе истории данного общества... Полное и адекватное восприятие текста предполагает его ощущение в свете исторической традиции, на фоне представлений и образов этнической культуры» (Костомаров, 2005: 55–56). Без элемента гипертрофирования, свойственного постмодернизму («текстуализация реальности»; «смерть автора»; вторичность любого текста; снятие оппозиции между текстом-объектом и читателем-субъектом и т.д.), и ограничения художественными текстами интертекстуальность понимается как синоним терминопонятия «межтекстовые связи». Как всякий знак существует только в системе, так и отдельный текст определенного функционального стиля, жанра создается и воспринимается в «межтекстовом пространстве» своей и других эпох, с «оглядкой» на прецеденты, идеалы, авторитеты, вкусы, личные пристрастия автора и реципиента. Межтекстовые связи – «это содержащиеся в том или ином тексте выраженные с помощью определенных словесных приемов отсылки к другому (или другим) конкретным текстам» (Горшков, 2006: 72). Это цитата, автоцитата, цитатные заглавия, эпиграф, аллюзия и реминисценция, указание на круг чтения героев, прием «текста в тексте». Существуют жанры художественной литературы, изначально ориентированные на чужие тексты. Это центон, «цитатное» произведение, переложение, парафраза, «параллельная» и «тематико-композиционная» межтекстовые связи, продолжение, инсценировка и экранизация (Там же, глава 4). Интертекстуальность по-разному рассматривается с точки зрения автора и читателя (Фатеева, 2003).

С интертекстуальностью в таком понимании связаны проблемы имплицитности, подтекста как способа «соотнесения воспринимаемого и интерпретируемого читателем текста с внешним миром, заданном в нем не «напрямую», а посредством разного рода «подсказок», недомолвок, намеков» (Левицкий, 2006: 128), т.е. универсальной текстовой категории «связь со средой». Этот аспект активно исследуется и описывается в рамках лингвосинергетической парадигмы.

Считается, что первую типологию текстов предложил в своей «Риторике» Аристотель, выделивший три вида речей: совещательные, судебные и торжественные. Современное положение дел в области типологии текстов характеризуется как самое слабое место в теории текста. Констатируется отсутствие в исследованиях единой методологической базы, определенная интуитивность и научная нестрогость подходов (Там же: 139). Некоторые лингвисты, например Г. Зитта (ФРГ), отрицают саму возможность научной, построенной на единых критериях типологизации текстов.

На вершину иерархической типологии текстов можно было бы поместить критерий текстуальности: собственно тексты, отвечающие всем условиям (вербальные), – гибридные («смешанные», «полицодовые», «креолизованные») – псевдотексты – гипертексты. К псевдотекстам можно отнести линейные последовательности знаков, не обладающие смысловой завершенностью, например обрядово-ритуализованные клише, «сказки про белого бычка», считалочки и т.п., виды печатной продукции, которые Ю.А. Левицкий называет «списками»: каталоги, картотеки, телефонные и адресные книги, ярлыки-указатели, билеты, квитанции, таблички на дверях, вывески на зданиях, в определенном смысле словари (Там же: 181–182).

Понятие гипертекста (терминологизированное в 1967 г. как «текст, фрагменты которого снабжены определенной системой выявленных связей с другими текстами») (Фатеева, 2003: 223) оказалось широко востребованным в эпоху компьютерных технологий и получило особую значимость в постмодернизме. Читатель, выбирая варианты последовательности наличествующих текстов, выстраивая сюжетные ходы и финал, становится автором (или соавтором). Выбор путей и порядка структурирования «гипертекста» напоминает ответную реплику в диалоге (Ворожбитова, 2005: 224–225). «Креолизованные» тексты включают наряду с вербальным текстом компоненты другой знаковой природы, например, визуальные (рисунки, графики, схемы и т.п.), аудиальные (музыкальное исполнение и аккомпанемент, музыкальный или шумовой фон в сценическом искусстве) и др. (Анисимова, 2003; Валгина, 2004: 192–194). Яркими образцами «гибридных» текстов являются мультимедийные. Самой масштабной и значимой типологией текстов остается функционально-стилевая. Особое место в ней отводится типологизации медиатекстов. Одним из факторов, сдерживающих успешное решение проблемы типологизации текстов, является отсутствие четких терминологических оппозиций. Больше внимания этому аспекту уделяют немецкие лингвисты, например Х. Фатер (Vater, 2001: 156–181).

Обращение языкознания к единицам коммуникации потребовало нового осмысления роли единиц всех уровней языковой системы в плане соотношения категорий формы и содержания, взаимосвязи вербализованных и невербализованных средств выражения при передаче внеязыковой информации. Это и создает сложности в исследовании семантики текста, в раскрытии и разграничении значения – содержания – смысла, в понимании

взаимодействия и взаимопереходов эксплицитных и имплицитных способов передачи компонентов внеязыкового содержания. Одна из причин этой сложности – недооценка системного характера текста и универсальных свойств системы, прежде всего связи со средой. Внеязыковая действительность – это и есть та среда, т.е. система более высокого порядка, в которой существует язык. Реализуя связь со средой, язык, имея свою форму и свое содержание, предстает формой, развившейся для передачи внеязыкового содержания. Учет фоновых знаний коммуникантов, пре- и постсуппозиций, раскрытие ассоциативных, подтекстовых и интертекстовых компонентов содержания базируется на биологических, физиологических, психических, ментальных особенностях природы пользователей, их материальной и социальной среды. Все это заложено в механизме языка. Имплицитность – одно из универсальных, собственно текстовых свойств. Язык действительно «скроен по мер-

ке человека». Нет «невывраженных» смыслов. Есть средства выражения разной природы, и все они прямо или опосредованно сохраняют свои «следы» в языковой ткани текста.

Успешное решение всего круга текстовых проблем гарантируется междисциплинарным подходом, развитием пограничных наук, соответствующих разным аспектам природы языка. Все они объединяются родовыми терминами «теория текста», «лингвистика текста». Большие обязательства берет на себя когнитивная лингвистика. Чем глубже проникновение в сущность тексто- и смыслообразования, тем более пророческим представляется суждение, высказанное В.А. Звегинцевым на заре науки о тексте: «Ученые, приступающие к изучению текста, видимо, и не подозревают, что им придется иметь дело с объектом, по своей грандиозности не уступающим вселенной, – в сущности, с лингвистической вселенной» (Звегинцев, 1980: 14).

Список литературы

- Анисимова Е.А. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е.А. Анисимова. – М., 2003.
- Борисова С.А. Пространство как текстообразующая категория / С.А. Борисова // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 1.
- Валгина Н.С. Теория текста: учеб. пособие / Н.С. Валгина. – М., 2004.
- Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление: учеб. пособие / А.А. Ворожбитова. – М., 2005.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М., 1981.
- Горшков А.И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика: учеб. для пед. ун-тов и гуманитар. вузов / А.И. Горшков. – М., 2006.
- Звегинцев В.А. О цельнооформленности единиц текста // Изв. АН СССР. СЛЯ. – 1980. – Т. 39. № 1.
- Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия / В.В. Иванов. – М., 2004.
- Каменская О.Л. Текст и коммуникация / О.Л. Каменская. – М., 1990.
- Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики / В.Г. Костомаров. – М., 2005.
- Кронгауз М.А. Семантика / М.А. Кронгауз. М., 2005.

- Левицкий Ю.А. Лингвистика текста / Ю.А. Левицкий. – М., 2006.
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990. – 686 с.
- Москальская О.И. Грамматика текста / О.И. Москальская. – М., 1981.
- Москальчук К.Г. Структура текста как синергетический процесс / К.Г. Москальчук. – М., 2003.
- Пономаренко Е.В. О принципах синергетического исследования речевой деятельности / Е.В. Пономаренко // Вопросы филологии. – 2007. – №1 (25).
- Прохоров Е.Ю. Действительность. Текст. Дискурс / Е.Ю. Прохоров. – М., 2004.
- Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиа́текст» / Г.Я. Солганик // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 2.
- Фатеева Н.А. Интертекстуальность / Н.А. Фатеева // Культура русской речи: энциклопед. словарь-справочник. – М., 2003.
- Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста: пер. с англ. и итал. – М., 2005.
- Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch. Bd. 3 / Th. Lewandowski. Wiesbaden, 1995.
- Vater H. Einführung in die Textlinguistik / H. Vater. München, 2001.

On the Concept of the Text

Ada A. Bernatskaya
*Siberian Federal University,
79 Svobodny, Krasnoyarsk, 660041 Russia*

The paper is devoted to disputable aspects of the text theory, first of all to the linguistic status of the text as a unit of language (not only of speech one). The problems of its definition and typology are touched upon.

Keywords: the text; the text as a sign system; micro- and macrotext; verbal and polycode (hybrid, creolized) text; hypertext; textuality; cohesion; coherence; intentionality, intertextuality and acceptability of the text.
